

ТАНВИ БЕРВА

ЧУДОВИЩА,
РОЖДЕННЫЕ
И
СОЗДАННЫЕ

МОСКВА
2024

ТАНВИ БЕРВА

ЧУДОВИЩА,
РОЖДЕННЫЕ
И
СОЗДАННЫЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(540)
ББК 84(5Инд)-44
Б48

Tanvi Berwah
MONSTERS BORN AND MADE

Monsters Born and Made — Tanvi Berwah © 2022
«This edition published by arrangement
with The Deborah Harris Agency and Synopsis Literary Agency»

Берва, Танви.

Б48 Чудовища, рожденные и созданные / Танви Берва ;
[перевод с английского А. В. Кондратьевой]. — Москва :
Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-172055-1

Корал каждую ночь охотится на марилений — опасных морских чудовищ. Ее семья обязана ловить их и разводить, чтобы землевластители могли проводить смертельный турнир на колесницах — гонку славы.

Однако работа на элиту не дает никаких привилегий семье Корал: отец с матерью постоянно ссорятся, денег на лечение младшей сестры не хватает, а брат, отравленный на охоте, не может получить противоядие. Они по уши в долгах, даже банда «Ковчег свободы» отказывается в займе.

Отчаявшись, Корал отправляется на гонку славы, чтобы, выиграв, получить почет, славу и деньги. Или умереть. Девушке придется не только соперничать с теми, кто тренировался всю жизнь, но и понять, кто страшнее — чудовища, землевластители или повстанцы «Ковчеха свободы».

УДК 821.111-312.9(540)
ББК 84(5Инд)-44

© Кондратьева А.В., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-172055-1

Посвящается Мими, которая любит
кальмаров и крабов.

И папе, который впервые свозил нас
посмотреть на океан.

Глава 1

Мы охотимся, когда мир спит. Этот риск может нас убить. Этот риск нам навязали. Я пробую разбудить брата, но он лишь сонно бормочет:

— Отвали.

— Уже четыре. Папа велел нам к этому времени быть на пляже.

Эмрик хватается за матрас, словно краб, упрямо цепляющийся за камень. Когда я срываю с него одеяло, он сердито ворчит:

— Вон из моей комнаты!

Его ботинок ударяется о дверь как раз в тот момент, когда я её закрываю. Я прижимаюсь спиной к каменной стене, холод сковывает меня.

Эмрик появляется спустя несколько минут. Мы одеты одинаково: чёрные брюки, приталенные белые рубашки с воротниками до подбородков, сапоги по форме

ног. Под одеждой у нас гидрокостюмы из скайи. Брат и сестра Охотники.

Его ладонь сжимается на дверной ручке в кулак.

Волнение перед охотой — это хорошо.

Говорит о том, что мы начеку, что мы не глупцы.

— Корал, — произносит он хрипло, — кто-нибудь ещё встал? — Его волосы гораздо ниже плеч, почти такие же длинные, как мои. Единственная воткнутая в них заколка сияет в бледно-жёлтом свете лампы над дверью. Прежде чем я отвечаю, астматический кашель Лирии проносится эхом в тишине.

Поднимаясь по винтовой лестнице в узком пространстве, мы покидаем безопасность подземного жилища. Мысль о том, как наша сестрёнка задыхается, не помогает, однако это отличное напоминание, почему нам нельзя упустить мариленя этой ночью.

Потому что так мы выживаем.

Ловим мариленей, разводим их, приучаем потомство к суше, а затем продаём земельщикам высшей касты, состязающимся в гонке славы. Всё это с риском для жизни.

После чего выдыхаем. До следующей охоты.

Мир снаружи залит чёрными чернилами, а созвездие Огненного Корабля мерцает красным и жёлтым, насмехаясь над нами. Морской ветер дует, принося с собой соль и шторм, как раз в тот момент, когда молния пронзает небо.

Мы с Эмриком устремляемся к пляжу. Он включает в себя всю полосу серого песка на этой стороне острова. Несмотря на то что море поглощает песчаные косы без

предупреждения, на берегу часто не протолкнуться из-за собирателей. Они соскребают металлическую крошку заргинина с низких известняковых арок, торчащих среди моря и песка.

Я прищуриваюсь, высматривая собирателей, и в итоге вынуждена обойти лужу...

— Скайя? Кто расходует скайю, когда солнце на пике? — Неужто не знают, как трудно добывать желе и как сильно мы нуждаемся в его защите от палящего солнца? Хоть мы и окружены водой, наш остров иссушен, и мы поджариваемся вместе с ним.

Эмрик хмуро глядит на лужу скайи. Шрам на правом глазу, сочащийся, словно сердитая слеза, подрагивает.

— Немногие, с ними лучше не связываться.

Когда мы доходим до изгиба известняковой скалы в форме подковы, низко гремит гром. Чудовище пробуждается ото сна. Горизонт, погружённый во тьму, пока не существует.

Вдоль зазубренного края из изменчивой воды, словно серо-голубые клыки, торчат камни. Лицо немеет под хлесткими ударами шторма. Сырость раздражает лёгкие с каждым вдохом. От мёртвых ползучих тварей и лишайника каменистая поверхность под ногами скользкая, и о неё плещется вода. Нужно шагать осторожно.

— Держись подальше от моря, — говорит Эмрик.

Меня охватывает гнев. Мы годами охотимся вместе, а он по-прежнему мне не доверяет.

— Почему?

— Взгляни на шторм.

«Словно от тебя есть толк в одиночку».

Я прикусываю язык. Не стоит спорить перед выходом в море.

— Тогда тебе тем более нужна подстраховка.

— Стой на берегу, Корал. Поможешь мне вытащить марилена. — Его челюсть сжата, отчего лицо кажется ещё худее: контуры острые, как бритва. Чёрная татуировка на лице слева колеблется. В темноте он выглядит свирепо. Полагаю, мы оба так выйдем.

Эмрик на три года старше, но, когда мы охотимся, нас можно принять за близнецов, даже татуировки одинаковые.

Я не замечаю в чёрных водах ни одного марилена: не лучшее начало последнего дня охотничьего сезона.

— Видишь какое-нибудь движение?

Наша семья, насчитывающая несколько поколений, вела подробные записи о мариленах. Существо ни разу не видели вне ежегодного подъёма уровня воды. Сегодня, прежде чем взойдёт солнце, они исчезнут и вернуться лишь через десять месяцев.

Их биологические часы точны.

Марилени, пойманные в прошлый раз, захворали и передохли. Эмрик говорит, что это не его вина, что он как всегда отфильтровал воду, что звери подхватили заразу в море. Теперь у нас осталась только одна самка. Без самца у нас не будет приплода на продажу до конца года.

Землевластитель будет вести себя так, словно мы тут ни при чём, улыбнётся и отправит нас восвояси с выплатой, которой хватит в лучшем случае на месяц. Тем временем по острову распространится молчаливое

предупреждение: «Охотникам не занимать, работы не давать».

Мы будем голодать. Как в год, когда мне исполнилось восемь.

В этот раз Лирия слишком больна, чтобы мы протянули целый год.

— Прячутся от шторма, — говорит Эмрик, вырывая меня из ужасных воспоминаний. — Если пойдём вдвоём, они переполошатся. Остайся здесь.

— Ладно, иди и помри там.

Его сердитый взгляд — лучший ответ. Брат раздевается до гидрокостюма, вооружается посохом из заргина, и прежде, чем я успеваю взять свои напутственные слова обратно, ныряет в море. Теперь он тень, плывущая так быстро, что его можно принять за марилена.

Он исчезает мгновенно.

Небо светлеет, приближается ужасный рассвет. Эмрика всё нет. Неужели море его поглотило?

«Если ты умер, Эмрик, я тебя прикончу».

Ветер усиливается, шипя по воде. Нет ничего, кроме потрёпанного небесного занавеса, прорезанного угрожающим красным светом зари, который окрашивает сердитую морскую пену в цвет гниющей плоти.

Мир отступает, окутанный жуткой тишиной.

Затем яростный крик пронзает море, и прогорклый запах серы насыщает воздух.

Помню, как увидела марилена в первый раз.

В школе нам рассказывали про десять островов Офира и Панталассу (суперокеан, омывающий всё вокруг). Про морских существ, ужас, воплощённый

в плоть, которые дышат под чёрными волнами. Фокесов, выделяющих странную смолистую субстанцию, которая мгновенно вспыхивает при соприкосновении с воздухом. Рапторов с зубами-пилами, прогрызающих сушу, чтобы проложить себе морской коридор и добраться до тебя. Аквапырей, зов которых доносится с одного конца света на другой.

И про марилений — ожившие кошмары, которые на суше передвигаются столь же быстро, как в воде. Эти проворные существа двуногие. Передние конечности короче задних. Сильнее. С когтями. Созданные для того, чтобы хватать добычу и разрывать мышцы. Головы венчают огромные олени рога. Чешуя светится. А ещё у них зелёная кровь.

Если раздражить мариленья, познаешь истинный ужас творения.

Мне снова пять. Я держусь от конюшни подальше. Помню, как в тот день увидела, как что-то качнулось под морской гладью, вода вспенилась вокруг. Я уставилась туда, будто приклеенная к месту. На солнце заблестели, словно металл, и приподнялись биолюминесцентные пятна. Показалась голова. Вокруг неё раскрылся, выпуская ядовитые шипы, похожие на гарпуны, острый воротниковый плавник.

Тот марилень почти добрался до меня.

Я закричала.

Прошлое исчезает.

Этот же марилень выныривает из воды.

Потрясающий оттенок зелёного на фоне холодного серого известняка. Острый, как бритва, воротниковый

Чудовища, рожденные и созданные

плавник раскрывается на шее, выпуская смертоносные шипы. А за мощное тело цепляется, сгибая плавнико-гриву и уворачиваясь от ядовитых лезвий, Эмрик. Брат отчаянно впивается пальцами в чешую зверя.

Мои руки вдруг каменеют.

Я собиралась отчитать Эмрика за то, что он растянул охоту до рассвета.

А не увидеть, как он схватился с проклятым мариле-нем в воде.

Марилень — великолепная дымка биолюминесцентного зелёного — бьётся в сердитой чёрной воде. Эмрик между воротниковым плавником и рогами никак не контролирует создание. Один неверный рывок, один предательский промах — и для брата всё кончено.

Мой глупый братец.

Я видела тела познавших гнев мариленья.

Не хочу, чтобы с ним случилось то же.

— ЭМРИК! — кричу я и машу рукой. — ДЕРЖИСЬ!

Я прыгаю в ледяную воду.

Тысяча холодных игл вонзается в меня, борясь за контроль над моим телом, чтобы разорвать его на части. Волны сокрушительные и тёмные. Но я знаю эти воды — я в них выросла. Я пробиваюсь сквозь течение, быстрое и плавное, заставляя воду расступиться. Доберусь до Эмрика в любой миг. Я подплываю всё ближе и ближе, выныривая на один прерывистый вдох.

Марилень дёргает шеей. Яд, пахнувший серной кислотой, вновь разрезает воздух. Загнутые назад клыки смыкаются вокруг руки Эмрика.

Брат стонет.

Кровь вьётся в воде струйками.

Посох выскальзывает из ладони Эмрика.

Я судорожно вздыхаю, солёная вода заливается в горло. Челюсть горит, словно сделана из металла.

Создание свирепствует. Я поворачиваю назад к известняку. Имбирный корень. Мне нужен имбирный корень. У марилены аллергия на едкую кожуцу растения. Ползучие стебли скайи скользят по камню, словно флюоресцентные змеи. Они освещают пространство вокруг, опутанные густыми высокими травами, которые колышутся, словно призраки. Я судорожно хватаю пригоршню имбирных корней, но они выросли намертво. Нужно их чем-то срезать.

Лёгкие обжигает, и я вынуждена вынырнуть. Молния ударяет далеко в океане, на камни накатывает волна.

Я собираюсь с духом.

Вода продолжает колотить по мне, словно железная глыба.

Когда волна разбивается, я упираюсь ногой в камень и тяну куст имбирных корней на себя.

«Поднажми, ну же».

Пальцы становятся красными, хватка ослабевает.

«Так ничего не выйдет, Эмрик умрёт».

Ладони в крови.

«Он уже ранен!»

Последняя мысль вылетает изо рта пузырьками воздуха.

Руки пронзает боль.